

Это случилось еще в то время, когда я успешно постигал азы науки на первом курсе М-го университета. В своем студенческом возрасте я был несколько стеснительным парнем, что, естественно, не могло не отразиться и на моих взаимоотношениях с противоположным полом: я оставался девственником. В то время как мои друзья и знакомые с гордостью похвалялись своими похождениями (настоящими и вымышленными), мне доставалась роль преданного слушателя.

В один из летних месяцев мне пришлось сопровождать бабушку в поездке в город N. Там у нее были знакомые, где мы и остановились. Прожив несколько дней, купив подарки родным, запасшись продуктами (цель нашей поездки), мы ехали обратно в плацкартном вагоне. Я, как всегда, лежал на верхней полке, благо народу в вагоне было мало. Ехать нужно было долго, к тому же с пересадкой, под мерный перестук колес я задремал. Проснулся я от голосов, исходивших снизу. Я догадался: попутчики, с которыми бабушка уже успела завязать знакомство. Свесившись вниз, я немного рассмотрел их: обыкновенная семья с маленьким ребенком. Глава семьи, лет 35—40, читал, сидя напротив жены. Рядом с ним спал мальчик лет 5—6. Жена, миловидная женщина, оживленно разговаривала с моей бабушкой. Меня заметили. Пришлось здороваться, знакомиться, слезать. Оказалось, что они едут в наш город к своим родственникам. Спустя полчаса мы уже всю болтали. Не скажу, что мне это доставляло удовольствие, но больше заняться было нечем. Тетя Люда, как это обычно бывает, расспрашивала про учебу, ее муж интересовался моими планами на будущее. Обычная болтовня, этакая светская вагонная беседа.

И вот первая часть нашего обратного путешествия завершена. С новыми знакомыми мы стоим на перроне небольшого городка, где нам приходится делать пересадку. Я в тайне радуюсь: раньше мне приходилось таскать вещи одному, теперь же нам помогал т. Людин муж. Кстати, у них и своих-то вещей было немало. Перетаскав сумки в зал ожидания, мы разделались: женщины пошли за билетами, на нашу же долю выпала охрана вещей. Я тут же воспользовался случаем и, попросив т. Людино мужа (имени его так и не запомнил) присмотреть за вещами, пошел шататься по вокзалу. Вскоре подошла бабушка: билеты куплены, наша попутчица пошла в универмаг, если я хочу, то могу тоже прогуляться. Делать нечего, я пошел посмотреть, чем здесь торгуют. И надо же такому случиться, в одной из секций я натолкнулся на нее: держа за руку сына, она неторопливо осматривала прилавки. Увидев меня, т. Люда заулыбалась и присоединилась ко мне, несмотря даже на то, что я отправился в осмотренные ею отделы. Я тихо грустил: компания та еще. Если бы я знал, что будет дальше! Неторопливо гуляя по трехэтажному магазину, мы продолжали болтать. Потихоньку мне стало нравиться общаться с ней: она живо интересовалась моей жизнью, юношескими мечтаниями, расспрашивала про мою личную жизнь, смеялась над моей застенчивостью, рассказывала про себя, свою семью. Не выходя на свои 35 лет, она разговаривала со мной как с равным, ничуть не пытаясь учить меня или, как это бывает, воспитывать. Приближалось время посадки.

Беда (если ее можно назвать бедой) свалилась на нас внезапно. В связи с опозданием поезда посадка была сокращена до 5 минут, а наш вагон был самым последним. Мы бросились перетаскивать кучу вещей. Беготня, крики, всхлипывания ребенка, страх, что состав вот-вот

тронется, а вещи еще на перроне. Бабушка с мальчуганом сидели уже в вагоне, мы с т. Людой закидывали вещи, ее муж их таскал. Ну, вот и все, осталось залезть только нам. А надо сказать, что ступеньки в вагон были высокими, перрон закончился где-то вагона за два — за три. Т. Люда, с несколько смущенной улыбкой, попросила меня помочь ей подняться. Мне представилась прекрасная возможность подержать ее за попку, чем я с удовольствием и воспользовался! Поднимаясь вслед за ней, я с ужасом обнаружил начавшийся процесс эрекции. Только этого мне не хватало: выпирающий член нельзя было никуда спрятать. Состав тронулся. Т. Люда, обернувшись, радостно хлопала в ладоши. Мы успели! Мы успели! И, потянувшись ко мне, шутливо подставила щеку. Я, улыбаясь, шагнул к ней навстречу. Дальше было как во сне. В самый последний момент она повернула ко мне лицо и подставила полураскрытые губы. Ошарашенный, я поцеловал ее. Она, несколько откинувшись после поцелуя, посмотрела в коридор вагона (не идет ли муж) и вновь потянулась ко мне. Это был мой первый взрослый поцелуй: ее язык скользил по моим зубам, соприкасался с моим языком, губы манили к себе. Казалось, время остановилось.

Я начал немного приходить в себя, когда почувствовал, как ее пальцы охватили через спортивные брюки головку члена, ритмично поглаживая ее. Еще немного и я кончил бы прямо в штаны, но она испуганно отшатнулась от меня возвращался ее муж. Я смутно помнил, как перетаскивал оставшиеся вещи, укладывал их, как мы все сидели, бурно обсуждая перипетии посадки. Между тем мы уже ехали. Ее муж, достав недочитанный журнал, углубился в чтение, сын играл, а она, захватив полотенце, пошла в туалет, быстро взглянув на меня. Мое лицо пылало, когда я, спустя несколько минут, взяв туалетные принадлежности, сказал бабушке, что тоже пойду умоюсь. Казалось, что все догадаются, но бабушка лишь кивнула. Дойдя до туалета, я тихонько дернул за ручку. Щелкнул замок, дверь приоткрылась. Она ждала. С бешено колотящимся сердцем я шагнул, прикрыв за собой дверь. Т. Люда, переодевшись в халатик, протянула ко мне руки. Халат разошелся: на ней были только трусики. Надо ли говорить, что я впервые видел полуобнаженную женщину?!

В свое время я дал себе зарок: первый сексуальный опыт приобрести не с какой-то прости господи, готовой, обычно в силу своей неприглядности, на все и без подготовки, а с симпатичной, нормальной девчонкой, за близость с которой потом не будет стыдно, прежде всего, перед самим собой. Казалось, мое терпение было вознаграждено. Хотя т. Люда и рожала, у нее была стройная фигурка и, что самое главное, небольшая хорошенькая грудь с темными сосками, торчащими чуть-чуть в стороны. Я, словно в забытьи, шарил по ней руками, целуя ее губы, страстно желая, чтобы она снова погладила мой член. Решившись, я нагнулся и взял губами ее сосок. Она охнула, наклонилась ко мне, стала целовать в голову, вцепившись в мои плечи ногтями. Больше мне не удалось с ней ничего сделать: кому-то приспичило помыть продукты. Пришлось возвращаться, чтобы не вызвать подозрений и ждать.

Надвигался вечер. Ночью мы должны уже приехать. Наскоро поужинав, я полез на полку, моля бога, чтобы бабушка и ее муж быстрее уснули. Первым утомился ее сын. Потихоньку стал укладываться на ночь и весь вагон. Т. Люда, лежа внизу с сыном (муж давно посапывал на верхней полке), изредка встречалась со мной взглядом. Даже я, неискушенный в этих делах, читал в ее взгляде желание и готовность продолжить. Предстояло слезть с полки, никого при этом не разбудив. Теперь мне хотелось только одного: снять с нее трусики и вновь испытать наслаждение от ее прикосновений к члену, дальше все представлялось смутным.

И вот я в тамбуре. Затаив дыхание, я жду ее, прислушиваясь к каждому звуку. Ее нет. Мной начинает овладевать тоска. Наконец-то! Т. Люда почему-то шепчет (тамбур, последний вагон, здесь можно разговаривать в полный голос, не боясь, что тебя услышат), что не могла уложить сына. Мы снова тянемся друг к другу. Я пытаюсь развязать поясок халата, но она не дает. После непродолжительных молчаливых (одними глазами) уговоров, она слегка распахивает халат, обнажив грудь. Я закрепляю завоеванные ранее позиции, целуя ее соски и поглаживая их руками. Она стоит с прикрытыми глазами, покусывая губы и глубоко дышит. Мой член готов разорвать штаны, я тыкаюсь им ей в живот, но это не приносит облегчения. Я страшно стесняюсь попросить ее погладить его. Вскоре я понимаю причину ее пассивности. Стоя спиной к двери, ведущей в вагон, она обеими руками держит ручку, боясь быть застигнутой врасплох. Мы меняемся с ней местами, теперь ручку держу я, а она (запахнув все-таки халат!) глядит на меня смеющимися глазами, и легонько гладит меня. Дразнит. Я делаю попытку уйти (неужели поверит!), она останавливает меня, обхватывает шею руками, и я вновь проваливаюсь в пучину сладостных чувств. Она снова заводится. Ее руки скользят по моему туловищу, она прижимается ко мне, поцелуи переходят в покусывания. Мои губы опухли, но я не могу остановиться. Т. Люда задирает мою футболку и, слегка нагнувшись, начинает вперемешку с покусыванием целовать мне грудь. Теперь я понимаю, что чувствовала она, принимая мои ласки. Немного осмелев, я беру ее руку (другой продолжаю сжимать ручку) и опускаю. прямо себе в брюки! Глупый, я ожидаю ее отказа, но она как будто этого и ждала. От прикосновений к члену ее руки мое тело начинает вибрировать, она чувствует это, понимает мое состояние, к тому же сама испытывает желание.

Внезапно она замирает, выпрямившись, смотрит мне в глаза, и я догадываюсь: она принимает для себя какое-то решение. Прижавшись ко мне, она шепчет, чтобы я крепче держал дверь. Я начинаю понимать, что сейчас что-то будет. Т. Люда, опустившись на колени, припускает мои брюки и трусы. Член вылетает с реактивной скоростью. Я не успеваю осознать все это, как она, взяв его рукой, ... оголяет головку и. обхватывает ее. губами! Можете ли вы представить, что творилось со мной! Конечно же, я был наслышан об этом, но даже в самых смелых своих мечтах я не мог предположить подобную картину. Красивая, ухоженная, взрослая женщина сама делает мне в тамбуре вагона минет! Я сумел продержаться от силы секунд 20. Даже сейчас я не могу передать то состояние, помню лишь, как лихорадочно дрожали мои ноги, круги перед глазами, потом накатила волна, и я начал кончать. Никогда я после этого случая так сильно и долго не кончал!

Сначала она не вынимала мой член из ротика, чем приводила меня в дополнительный экстаз: я чувствовал как спускал ей, затем, поперхнувшись, она вынуждена была его вытащить, продолжая при этом дергать его рукой, тут же часть струи попала ей на шею и халат. Отстранив его в сторону, она судорожно сглотнула, окончательно закашлялась, отпустила меня, бросилась в угол, сплевывая мое богатство. Я же продолжал кончать, помогая себе уже сам.

После мы долго стояли еще в тамбуре. Т. Люда, покрасневшая, приводила себя в порядок: вытиралась, просила посмотреть, не намазал ли я ее еще где, отряхивала халат. Мне пришлось пожертвовать носовым платком, как нельзя, кстати, оказавшимся в кармане моих штанов. Им мы вытирали противоположную стену, нижняя часть которой (в аккурат напротив меня) была измазана высокохудожественными подтеками.

И нас, и их должны были встречать. До меня слишком поздно доперло, что не плохо взять у

нее телефон, или договориться о встрече. Судьба, словно в насмешку, бросила мне еще один шанс: ни они, ни мы не увидели своих родных. И я с ней отправился на вокзал, позвонить. Ее муж с ребенком остался возле вещей. Глядя на него, я ее понял.

Мы только отошли, она только успела согласиться встретиться со мной, как мы столкнулись с моими родителями. Я пытался взять на себя миссию сопровождающего женщину в незнакомом месте, объяснив родителям, что только покажу где телефон, как подлетели ее родственники, точнее даже родственники мужа. Обнимания, радостные возгласы, я так и не сумел договориться о встрече, шепнуть свой телефон. Я так и не сумел найти ее, на мои осторожные расспросы бабушка отвечала, что они вроде бы в центре живут., но, к сожалению, это настолько расплывчатое понятие. Я целыми днями шатался по улицам, бродил по перрону, кроя себя последними словами, но все было напрасно. Я больше не видел ее, вплоть до следующего лета, но это, как любит говорить нам с экранов ТВ Лолита совсем другая история. Я обязательно опишу и ее, если эта пришлась вам по вкусу.